
Когда Любаша вернулась, Семён Геральдович уже проснулся и сидел напротив шишкинской «Ржи», заменявшей ему телевизор. На коленях он держал звездный атлас, лениво перебирая пожелтевшие страницы. Профессор астрономии знал созвездия лучше, чем схему метро, но кому в Подземелье могли понадобиться его услуги? Пожалуй, только сумасшедший мог набиться к нему в ученики в этом гротескном мире, лишённом солнца и звездного света. Занятия наукой для человека с мировым именем свелись к бессмысленному перелистыванию страниц.

– Папа, ты уже проснулся? – спросила Любаша, надевая домашние тапочки. – Кушать не хочешь?

Семён Геральдович только покачал головой, оставаясь безучастным. В последние годы он стал более замкнутым, погружаясь всё глубже внутрь своего сознания.

Друг семьи, профессор психологии Потапов Пал Палыч, не раз говорил, что «наше Подземелье» обзаводится совершенно новым психическим заболеванием, связанным с долгим отсутствием солнечного света. Особенно трудно его переживают пожилые люди, которые большую часть жизни провели на поверхности. Для них переселение в метрополитен стало чем-то вроде смерти и последующей загробной жизни. Они вроде бы живут, а вроде бы и нет.

С детьми, родившимися уже под землей, ситуация проще. Их организмы ещё в утробе матери приспособляются к такому составу воздуха, количеству света, набору микроэлементов и прочему. По сути, на свет появляются люди новой формации, гораздо более подготовленные к выживанию в современном мире. Кое-кто из ученых считал, что в следующих поколениях вполне возможен вал мутаций, часть из которых закрепится в потомстве, образовав новый подвид людей. Сложно сказать насколько они будут отличаться от обычных *homo sapiens*, поскольку ни один из ученых, даже самых оптимистичных, и не надеялся дожить до этого момента.

Любушка очень беспокоилась о здоровье отца. Она хорошо помнила первые годы их пребывания в метро, когда происходило становление республики. В то время Сормов, энергичный пятидесятилетний мужчина, своей волей и упорным трудом помогал налаживать новую жизнь. С тех пор он сильно сдал и превратился в тихого старика, который жил воспоминаниями, уже не помышляя даже о том, чтобы прогуляться до станции. Порой она звала его с собой пройтись за покупками, но он отшучивался, а чаще просто молчал.

Сегодня был День Рождения их соседа, Лапшина Михаила Петровича, профессора физики. Когда-то он преподавал на Физическом факультете, был членом-

корреспондентом Академии Наук. Теперь ученый муж обслуживал какую-то секретную механику на подземных этажах главного здания Университета. Зарабатывал он неплохо, и, в принципе, мог переехать в более престижное жилье в бомбоубежище на станции метро «Университет». Однако на эти предложения он лишь отшучивался, что здесь ему нравится компания. Нельзя сказать, что жилые блоки на «Проспекте Вернадского» были совершенным захолустьем. В шутку их звали спальным районом, в память о жилых массивах, которые наполняли окраины мегаполиса. Здесь было гораздо безопаснее, чем на «Юго-Западной». Как и любая пограничная станция, она чаще подвергалась атаке мародёров и чудовищ с поверхности. Да и сталкеров там погибало больше.

Любаша поставила купленную в подарок лампу на сервант, немного ею полюбовавшись. Ей хотелось опробовать покупку, но в данный момент от розеток было мало толку. Умельцы наладили генераторы и провели электричество в каждый дом. Однако в целях экономии его включали только по вечерам.

В подземном мире, не видевшем солнца, время отслеживали по станционным часам, которые, как и на многих других станциях, были одним из важнейших охраняемых объектов.

Вынув зеркальце и старую косметичку, Любаша начала прихорашиваться. Она тщательно подкрасила губы помадой, стараясь использовать её по чуть-чуть. Подвела глаза карандашом.

Косметика стала редкостью. Она периодически появлялась в метро, когда какой-нибудь удачливый сталкер добирался до магазина «Арбат-престиж» и других подобных ему. За долгие годы большая её часть пришла в негодность, и стоила она порядочно. Например, за хорошую помаду не стыдно было отдать четыре (!) рожка патронов от автомата Калашникова. Цены дикие, подумала Люба.

Эту помаду с полустёршейся надписью «Voujois» ей подарил на Новый Год сын Лапшина Максим. Он служил в Дальней разведке, и, по его словам, он достал помаду в одном из бутиков на минус втором этаже торгового комплекса «Охотный ряд». Смелости его можно было позавидовать, ведь даже ребёнок знал, что центр города одно из самых опасных мест, а за кремлёвскими стенами человека ждет смерть.

Наверное, подумала Люба, это был не просто подарок, а знак внимания. Неспроста! Вокруг солдат и офицеров Дальней разведки постоянно крутились барышни. Покрасивее и помоложе, чем Люба. Казалось бы, помани любую пальцем – пойдет. Однако Максим выбрал её. Во всяком случае, не зная правды, хотелось думать именно так. Она превращалась из усталой женщины в красавицу не просто так, а именно для Него.

Закончив собираться, она наскоро привела в порядок отца и помогла ему одеться. Идти было недалеко. Аккурат до соседней двери.

На стук дверь отворила жена именинника Лидия.

– О, здравствуйте, гости дорогие! – воскликнула она. – Заждались вас уже! Проходите скорее!

– Здравствуйте, тетя Лида! – улыбнулась Люба. – Я всё бегала, подарок выбирала.

– Ой, ну к чему такие хлопоты, – всплеснула руками Лидия. По ней было видно, что она довольна и ей приятно внимание.

Квартира Лапшиных ничем не отличалась от их жилища, разве что мебель была более дорогой. Посредине комнаты стоял длинный стол, накрытый застиранной, зашитой-перешитой скатертью.

Гости уже собрались. На диванчике, который служил кроватью супругам Лапшиным, расположилась профессорская чета Звягинцевых из первой квартиры. Они взяли с собой маленькую внучку, которая сидела у деда на коленях и играла со старинным телефонным диском. Девочка раскручивала его, а потом слушала, как он стрекочет, возвращаясь в исходное состояние.

Напротив них на трех табуретках сидели Скворцовы с маленьким сыном Володей, который внимательно наблюдал за удивительной игрушкой в руках маленькой девочки. Было видно, что он очень хочет тоже попробовать забавную стрекоталку, но не решается её попросить у незнакомки. Взрослые вели свои разговоры, не обращая внимания на детей.

Сормовы поздоровались и уселись за стол. Помимо аппетитной свиной вырезки вперемежку с горохом, на столе в красивой вазочке лежали два апельсина. Это было особое блюдо на десерт. В обычной жизни люди использовали поливитамины из старых запасов, чтобы поддержать баланс в организме. Однако биологи не оставляли попыток обеспечить снабжение поселения свежими фруктами и овощами. Для этого использовались оранжереи. Основы их конструкции принесли с поверхности сталкеры, наведавшись в лаборатории Биологического факультета. Овощи и фрукты стоили огромных денег и были не по карману большинству жителей. Люба не могла вспомнить последний раз, когда ей доводилось пробовать такой деликатес.

Тем не менее, время апельсинов ещё не пришло. Гости развлекали себя разговорами, потягивая мутную брагу. Большой частью беседы касались новых постановлений Ректората, ужесточающих продовольственные нормы. Это связывалось с необходимостью реструктуризации системы снабжения продовольствием, но кое-кто поговаривал, что на самом деле ресурсы складов подходят к концу.

Так это или нет, наверняка никто не знал, но настроение было тревожное.

– В конце концов, выход есть! – стукнул по столу подвыпивший Звягинцев. Он обвёл глазами присутствующих и продолжил. – Можно послать экспедицию в подземный город в Раменках. Там наверняка остались такие закрома, что хватит и нам, и вот им, – он кивнул на игравших детей.

– Э, сосед, – усмехнулся Скворцов. – Не всё так просто. Мы уже не раз посылали туда отряды, и, скажу тебе по секрету, многие из них не вернулись.

– Да они, наверное, остались там жить! – не унимался профессор.

– Кто знает, кто знает... – патрульный задумчиво поскрёб подбородок. – Вход в город так и не удалось открыть.

– Да ладно вам о грустном! – воскликнул виновник торжества. – Давайте ещё по одной!

Никто не возражал. Скворцов, как самый младший, разлив из бутылки самогон, произнес здравницу и все выпили.

Старики начали вспоминать былое, по десятому разу пересказывая истории о правительственных дачах, которыми когда-то обладали. О перестройке, которая всё это отняла. В который раз ругали Горбачёва и Ельцина, не смотря на то, что от тех давно уж и праха не осталось. Вспоминали напряжённость в мире, локальные войны, охватившие планету и в который раз пытались понять причины, приведшие к смерти цивилизации в огне атомной войны.

Тем временем, детям надоел телефонный диск, и они с огромным интересом смотрели на апельсины.

Однажды отец Володи принёс с работы дольку апельсина, которым начальник патруля угощал сослуживцев. Мальчик навсегда запомнил вкус и долго облизывал пальцы, пытаясь выпить сок до последней капли.

Посоветовавшись, взрослые решили отдать один апельсин Володе, а другой маленькой Катеньке. Пока дети уминали сказочные фрукты, взрослые достали потрёпанную колоду карт и затеяли игру в преферанс.

– Ой, погодите! – подскочила Лидия.

Она принесла подаренную лампу и поставила на стол; включила штепсель в розетку, но лампа не включилась.

– Ничего страшного, – успокоил женщину Скворцов.

Он аккуратно пошевелил провод, и – о чудо! – лампа вспыхнула, вмиг сделав комнату по-настоящему уютной. Даже дети оторвались от лакомства, с удивлением уставившись на волшебный свет.

– Ладно, – сказал Звягинцев, доставая колоду карт. – Давайте поиграем. Я сдам...

Договорить ему не дал мощный подземный толчок, от которого стены комнатухи зашатались, а с потолка посыпалась известка. Женщины завизжали, а маленькая Катенька заплакала.

Комнату трянуло ещё раз. Свет погас, но через секунду вспыхнул вновь. Однако лампа на столе так и осталась темной.

Люди с бледными лицами смотрели друг на друга. Быстрее всех опомнилась жена Звягинцева. Она бросилась к внучке и стала её успокаивать.

Раздался громкий стук в дверь. Михаил Петрович поднялся, и на негнущихся ногах пошёл открывать. За дверью стоял запыхавшийся солдат с пункта связи, которыми была оборудована каждая станция. Он жестом вызвал хозяина квартиры в коридор, предложив прикрыть дверь.

Лапшин вернулся секунд через тридцать. Таким тихим и подавленным его не видели никогда.

– Извините, гости дорогие, – произнес он словно через силу. – Мне нужно вас покинуть. Срочно требуется прибыть на службу.

Леонов Евгений Николаевич

Ноябрь 2007 года